

В.С. ЮРКЕВИЧ, кандидат психологических наук, заведующая лабораторией психологии одаренных детей Московского городского психолого-педагогического университета

МОТОР СПОСОБНОСТЕЙ

Надо сказать, что одаренные дети очень разные: очень живые, даже иногда просто нахальные, и тихони, едва слышно произносящие ответ невероятно сложной задачи. Очень обаятельные, очаровательные и неловкие, стеснительные, оттаивающие лишь к концу встречи с незнакомым человеком (и то, если этот человек им понравился). Большинство из них проявляют интерес к математике, но многие рано начинают интересоваться биологией, химией, астрономией, физикой. У меня был пятилетний вундеркинд, который всерьез интересовался не больше не меньше, как происхождением человека, и поэтому читал специальные книги на эту тему.

Естественно, разные они и внешне: очень маленькие, хрупкие даже для своих дошкольных лет, и крупные, физически развитые, явно обгоняющие своих сверстников не только по умственному, но и по физическому развитию. Однако есть во всех этих очень разных детях нечто общее, что при известном опыте позволяет довольно быстро определить именно одаренного ребенка. Чаще всего без всяких тестов и прочих психологических измерений. Что же это? Если хотите, печать одаренности. Одна моя знакомая, тоже имеющая дело с одаренными детьми, называет это так: а во лбу звезда горит. Что же это за звезда?

Попытки понять, что же делает одаренного ребенка именно одаренным, что же отличает его от обычных детей, делались, естественно, много раз. Искали различия во

всем. Часто считали, что основной повышенных способностей является память. Особая, чрезвычайно развитая память и позволяет одаренному ребенку показывать чудеса, она и делает его одаренным. Разумеется, память у одаренного ребенка практически всегда превосходная, но все же дело не в ней. Оказалось, во-первых, что память большинства самых обыкновенных детей становится просто превосходной, когда они имеют дело с чем-то, что их очень интересует. К примеру, самая ленивая девочка, ничего не помнящая из того, что говорится на уроках, вдруг приобретает замечательную память, когда речь заходит, скажем, о модах из журнала, который оказался у нее в руках всего лишь на пару часов. Мальчишка-двоечник тоже прекрасно помнит любую деталь из понравившегося ему ковбойского фильма. Есть еще одно обстоятельство. Память — одна из наиболее тренируемых психических функций. И хотя приемов развития памяти великое множество, тем не менее главный — как можно больше запоминать. Одаренные дети с большим увлечением занимаются умственной деятельностью и охотно и много запоминают. Как видим, различия в памяти между одаренными и обыкновенными детьми хотя и есть, но, очевидно, вторичны. Дело не в памяти.

Точно так же не обнаружены сколько-нибудь принципиальные различия между обычными и одаренными детьми в восприятии, мышлении, даже в воображении. Различия, конечно, были, но не такие, чтобы их можно рассмотреть как первопричину принципиальных, чрезвычайных различий в одаренности. А что же тогда эта первопричина?

Главное, что объединяет всех, таких разных вундеркиндов, и что резко отличает их от обыкновенных детей — так называемая *умственная активность*. Одним из первых Н.С. Лейтес описал эту невероятную потребность одаренных детей в умственной работе, их, без преувеличения, страсть к познанию. Это — главная потребность одаренного ребенка, независимо от возраста, темперамента, характера, интересов, пола, здоровья и т.п. Иначе говоря, иметь *стремление к познанию* — самая яркая характеристика любого одаренного ребенка.

Основные жалобы мам и пап одаренных детей однообразны: не хочет гулять, не хочет развлекаться, хочет только решать задачи, читать книги, причем не развлекательные. Мама шестилетнего мальчика жалуется, что сын ночью под одеялом включает фонарик, чтобы читать серьезную книжку по биологии, кото-

рую изучают в старших классах специальных школ.

Уже довольно давно у меня в практике был случай, пожалуй, наиболее ярко характеризующий это поразительное стремление познавательной деятельности. Ко мне обратились по поводу странностей одного одаренного ребенка. Дело в том, что он, идя по улице, все время что-то шептал, чуть ли не разговаривал сам с собой. Вероятность патологий у одаренных детей несколько выше, поэтому я сначала насторожилась. Но все оказалось гораздо интереснее и, я бы сказала, нормальнее. Мальчик, кстати сказать, классический вундеркинд со всеми вытекающими отсюда чудесами, как оказалось, занимался на улице разработкой не больше не меньше, как теории чисел. Глядя на проезжающие машины, он брал за основу номерной знак, затем полученное число возводил в куб простым перемножением, затем еще что-то делал с этим числом, например, извлекал квадратный корень, с тем чтобы вернуться к исходному числу, с которого начал. Ну а так как по ходу дела приходилось в уме выполнять довольно сложные вычисления, он иногда что-то шептал. «Помогает удержать в голове», — объяснил он. Его никто не заставлял выполнять такие сложнейшие вычисления, да еще в уме. Ему хотелось, ему было интересно. Это и есть настоящая познавательная потребность — бескорыстная, ради интереса как такового.

В дальнейшем выяснилось одно важнейшее обстоятельство, на котором мне хотелось бы остановиться поподробнее. *Умственная активность, так ярко характеризующая любого одаренного ребенка, имеет непосредственное отношение к развитию способностей.* Оказывается, способности вырастают, развиваются из задатков при одном обязательном условии. *Деятельность, которой занимается ребенок, должна быть связана с положительными эмоциями*, иначе говоря, приносить радость, удовольствие. Есть эта радость — задатки развиваются, нет радости от умственной деятельности — способностей не будет. От длительных, безрадостных, по принуждению или самопринуждению занятий будет что угодно — пятерки, похвалы, даже, если хотите, знания, не будет только главного — способностей. Связь развития способностей с положительными эмоциями подтверждена сейчас не только в психологических, но и сугубо физиологических экспериментах. Из этого обстоятельства проистекает несколько важных педагогических следствий, на которых стоит остановиться.

Следствие первое — печальное для учителей. Если способности развиваются только в любимой деятельности, то сами по себе длительные занятия, проводимые без желания ребенка, любые дополнительные занятия с точки зрения развития способностей либо бесполезны, либо просто вредны, так как деятельность по принуждению увеличивает отрицательное отношение к ней. Неслучайно В.А. Сухомлинский, придававший такое значение именно развитию способностей, вообще запретил у себя в школе проведение каких бы то ни было дополнительных занятий (исключая случаи болезни ученика). Конечно, в некоторых случаях усиленным трудом можно получить сами по себе знания, но разве в этом главная цель образования?

Следствие второе — печальное и радостное одновременно. Отметки, особенно в начальных классах, сами по себе никак способности не характеризуют. Старательная девочка, прилежно выполняющая уроки, получающая в первом, третьем или пятом классе сплошные пятерки, останется неспособной, потому что никакого удовольствия от чтения и решения задач не испытывает, а хорошо учится лишь из прилежания. А мальчишка-двоечник, которого не усадишь за уроки, тем не менее станет вполне способным школьником, потому что обожает чтение, сидит со сложным конструктором, решает головоломные шахматные задачи и в этой деятельности счастливо развивает свои способности. А к старшим классам, где роль способностей в учении становится больше, многие девочки — тихие отличницы — становятся весьма посредственными ученицами, а мальчики, которым ставили столько двоек за плохой почерк или грязную тетрадь, становятся гордостью школы. Если, конечно, была деятельность, которую они любили и в которой смогли развить свои способности. А это, к сожалению, бывает не у всех.

Следствие третье — самое важное. Начинать учение ребенка надо с радости познания, только на этом фоне можно развить способности. Это не значит, конечно, что учение должно быть только радостью. Чем старше ребенок, тем больше элементов обязательности, даже принуждения (лучше самопринуждения) надо вводить в учение. Но начало, когда учение, иначе говоря, организованная умственная деятельность только начинается, должно обязательно быть приятным, радостным для ребенка. Иначе ни о каких способностях не придется говорить.

Вернемся к одаренным. У одаренных благодаря ярко выраженной потребности в позна-

нии, связь радости и умственного труда почти непрерывная. Практически любая умственная деятельность — чтение, решение задач, придумывание историй и т. д. — доставляет им огромную радость, и благодаря этому их способности развиваются семимильными шагами.

Кстати, с этой точки зрения проблема задатков одаренных детей становится не самой важной. Дело в том, что сейчас можно считать практически доказанным, что наш мозг работает с огромной недогрузкой. Резервы человеческого ума, неиспользованные его таланты всегда больше, чем то, что реализовалось и уже используется. Цифры здесь приводятся разные. По одним данным, используется лишь 15–20 % всех возможностей, по другим — еще меньше, не более 10 %. Дело не в конкретных цифрах. Важно, что во всех случаях объем неиспользованных возможностей всегда больше. И вероятно, дети становятся одаренными не столько потому, что им больше, чем другим, дала природа (она ведь всем дала столько, что всего и использовать нельзя), сколько потому, что они в большей мере сумели реализовать себя. Грубо говоря, больше своих задатков они превратили в способности. Это несколько упрощенный взгляд на развитие способностей, но, по существу, верный. Тот, кто внимательно следил за ходом моих рассуждений, вероятно, не удивится однозначному выводу, который я хочу сделать: *по крайней мере на ранних этапах развития способностей, т.е. в дошкольном и младшем школьном возрасте, все зависит от любви к умственной деятельности или, точнее, от познавательной потребности.* Чем ярче она проявляется в ребенке, тем больше вероятность высоких способностей.

И здесь у читателя возникает законный вопрос: раз все определяется познавательной потребностью, так почему же она есть только у одаренных детей? Она что, только от природы? Да, познавательная потребность только от природы, но все дело в том, что от природы она в достаточной степени дается всем без исключения детям (всем психически здоровым детям).

Если способности от природы никому не даются, их, к сожалению, надо развивать, то познавательная потребность — это действительно дар, которым награжден каждый. Есть научные факты, удостоверяющие это обстоятельство, но на самом деле это все достаточно очевидно. В пять-шесть лет одаренного ребенка сразу видно, он отличается от других, но вот в два-три года понять, по какому пути развивается ребенок, как обыкновенный или как одаренный, чаще всего невозможно. Все дети лю-

бят узнавать, любят задавать вопросы, любят слушать, когда им читают, любят ломать игрушки, чтобы посмотреть, что у них внутри, — словом, практически у каждого ребенка в этом возрасте высокая познавательная потребность. Если у ребенка в этом возрасте нет непрерывного стремления к познанию, значит, что-то с ребенком не в порядке. Очень часто это первый признак заболевания, даже физического.

Хотя я отнюдь не врач, а детский психолог, мне как-то пришлось выступить в роли врача, обнаружившего болезнь у здорового, по мнению окружающих, ребенка. Меня как-то пригласили на консультацию по поводу подростка. Подробно обсудив с матерью все касающееся именно его, я, скорее из вежливости, спросила про другого, младшего сына, по поводу которого никаких жалоб не было. Мать с гордостью стала рассказывать, как ей повезло с младшим. Никаких хлопот с ним, ничего никогда не сломал, никогда не испортил — любит поесть, сядет и улыбается. Я насторожилась. Мальчишка, которому почти три года, ни одной игрушки не сломал, никаких хлопот окружающим не причинил. Была бы еще девочка, но мальчик... Подхожу к малышу. Толстый голубоглазый малыш приветливо улыбается, охотно идет на руки. Но вот уже первая странность — у меня в ушах длинные серьги — он глядит на них и не хочет ни выдернуть их у меня, ни отодрать вместе с ухом. На шее цепочка — он тоже не пытается снять ее с меня. Глядит на меня, дружелюбно улыбается — и все. Я достаю какую-то игрушку из сумки. Он с интересом глядит на нее, но не пытается взять у меня из рук, бросить (это же очень интересно посмотреть, как падает новый предмет), не пытается хотя бы повернуть игрушку в руках. Когда я сказала, что, по моему мнению, мальчика надо показать психоневрологу, мать чуть ли не возмутилась: «Толь-

ко что смотрел педиатр, сказал, как хорошо развивается мальчик, как быстро набирает вес и как быстро растет». Да, мальчик, несомненно, хорошо набрал вес (он был явно перекормлен), но с ним все же что-то не в порядке, пытаюсь я убедить мать. Я, к сожалению, оказалась права: у мальчика обнаружилось заболевание, которое пришлось серьезно и упорно лечить. А все симптомы и были-то — слабая, не соответствующая возрасту познавательная потребность.

Итак, познавательная потребность каждому ребенку в полной мере отпускается природой и очень ярко обнаруживается у каждого здорового ребенка с самого начала. А вот что происходит потом? Почему у одного ребенка эта потребность так и сохраняется и делает его ярко способным, одаренным, а у другого она куда-то исчезает и никаких способностей, а учение для такого ребенка — сплошное уныние и безнадега? Что ж, действительно, вопрос вопросов. Тем более что с каждым годом учения детей с яркой познавательной потребностью все меньше. Так куда же девается этот дар, подарок каждому ребенку? Сумеет ли ответить на этот вопрос, ближе будем к решению вопроса, который так волнует многих учителей и родителей: почему в наших школах так много неспособных детей?

